

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ЗНАК-СИМВОЛ-ЗНАЧЕНИЕ-КОНЦЕПТ В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТА

Трубаева Елена Игоревна

ассистент НИУ «БелГУ», г. Белгород

E-mail: trubaev80@mail.ru

Многообразие дефиниций «знака» и «символа», их определение посредством друг друга не может не затруднять семиотическое исследование любого текста. Ю.М. Лотман подчеркивает, что «символ» — одно из самых многозначных понятий в системе семиотических наук, а выражение «символическое значение» широко употребляется как простой синоним знаковости [3, с. 240].

В целях выявления непротиворечивых определений, мы, прежде всего, провели анализ словарных дефиниций *знака* и *символа*, а затем обратились к работам ведущих семиологов и теоретиков языка.

Так, в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой указано, что знак — «показатель, выразитель данного языкового значения» [1, с. 158], а символ — «знак, связь (связанность) которого с данным референтом является мотивированной» [1, с. 404]. Мотивированность, по-видимому, должна объясняться сходством символа как обозначающего элемента и референта, которого он обозначает.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре языковой знак традиционно определяется как «материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности» [2, с. 167]. По нашему мнению, данное традиционное определение отличается излишней философичностью и может быть понято противоречиво. Сам по себе знак не может быть материально-идеальным, так как сам по себе не несет значения, а лишь указывает на него. Таким образом, знак не является чем-то двойственным, он не самостоятелен, а зависим.

Значение, следовательно, проявляется при узнавании: *воспринимающий* узнает знак и ассоциативно связывает его с каким-либо референтом. Референт, в свою очередь, отсылает *воспринимающего/интерпретатора* уже ко многим знакам, составляющим определенный сценарий, фрейм, имеющим ядром один или несколько концептов.

В целях тщательного анализа дефиниций нами были исследованы статьи, посвященные знаку и символу, данные в философских словарях. Парадоксально, но наиболее ярко языковые исследования освещены именно в философских лексикографических источниках.

Известный философский словарь, основанный лексикографом Г. Шмидтом, представляет знак как «то, что заменяет другое, указывает на другое. *Знак* есть предмет, благодаря представлению которого вновь осознается другое представление, связанное у думающего с первым. Представление, возникшее в сознании благодаря знаку, есть *значение* знака; представление, слившееся со своим значением в некоторое внутреннее единство, есть *символ*» [6, с. 164-165]. В отдельной статье о символе указано, что он воплощает какую-либо идею, причем он есть «образование, которому определенная группа людей придает особый смысл, не связанный с сущностью этого образования» [6, с. 404].

В русской лексикографической традиции философского словаря знак традиционно трактуется как «материальный чувственно воспринимаемый предмет, событие или действие, выступающее в познании в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования» [7, с. 120]. Что касается символа, то он представляет собой «в широком смысле понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать (в контексте социокультурных аксиологических шкал) идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия» [Там же, с. 123]. Символ имеет знаковую природу, и ему присущи все свойства знака. Однако если сущностью знака признать чистое указание, то сущность символа оказывается большей, чем указание на то, что не есть он сам. Символ есть не только наименование какой-либо отдельной частности, он схватывает связь этой частности с множеством других, создавая собственную многослойную структуру, смысловую перспективу, объяснение и понимание которой требует от интерпретатора работы с кодами различного уровня.

Основатели семантики как научной дисциплины чаще всего избегают односторонне определять знак и символ, поскольку последние не самодостаточны и обретают жизнь так же, как и текст — при прочтении. Исследователи заостряют внимание на разных основаниях этого процесса восприятия, понимания и, в итоге, принятия либо непринятия значения. Так, например, Ч.У. Моррис пишет о семиозисе — процессе, в котором нечто функционирует как знак. Процесс подразумевает взаимодействие четырех составляющих:

- того, что выступает как знак — знакового средства или знаконосителя;

- того, на что указывает (refers to) знак — десигната;

- воздействия, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком — интерпретанты;

- непосредственно интерпретатора [4, с. 47].

Сами знаки формируют особую знаковую систему, поскольку каждый знак взаимодействует с другими знаками: «только с помощью других знаков может быть сформулировано то, к учитыванию чего знак готовит интерпретатора». Знаки, по Ч. Моррису, связаны синтаксически [4, с. 50].

В свою очередь, последовательности знаков образуют язык. Однако механизм работы разноплановых знаков однотипен: знак социален, понимать язык — значит употреблять только те сочетания и преобразования знаков, которые не запрещаются употреблением, приняты в данной социальной группе, обозначать объекты и ситуации так, как это делают члены этой группы, иметь, когда используются определенные знаковые средства, те же ожидания, что и у других членов, и выражать свои собственные состояния так, как это делают другие. Конвенциональность знака в любом случае доминирует среди его прочих характеристик, а разные, полярные его прочтения скорее являются исключением, чем правилом.

По нашему мнению, в разграничении данных понятий важную роль сыграли исследования Ю.М. Лотмана, который подчеркивает, что «символ связан с памятью культуры» [3, с. 225] и «в символе всегда есть что-то архаическое» [3, с. 241].

Для нас важна следующая характеристика символа, предложенная Ю.М. Лотманом: «Символ, представляя собой законченный текст, может не включаться в какой-либо синтагматический ряд, а если и включается в него, то сохраняет при этом смысловую и структурную самостоятельность. Он легко вычленяется из семиотического окружения и столь же легко входит в новое текстовое окружение. С этим связана его существенная черта: символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры — он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [3, с. 241]. Таким образом, символ, в отличие от знака, указывает не на единичное, но на целый культурный текст, представленный парадигматически во времени.

Мы можем предположить, что символ с его отсылками на разнообразные, ассоциативно связанные референты, хранится во фреймовой структуре, имеющей, как правило, один сценарий. Символ как «культурный текст» должен базироваться на аксиологических основаниях. Следовательно, ядром символа является концепт.

Таким образом, являясь типом знака генетически, в синтагматическом срезе символ представляет собой образование отличной от знака, более развернутой структуры.

При дальнейшем употреблении терминов *символ* и *знак* мы учитываем следующие выделенные нами положения:

1. Знак как составляющая часть процесса интерпретации предполагает существование законодателя, интерпретатора, а также, как правило, конвенциональной интерпретанты и референта. Символ, сходным образом, может быть задействован в акте коммуникации при наличии законодателя, складывающегося из вербальной и иконической компоненты, интерпретатора, конвенциональной интерпретанты и целой сети референтов, сочетание которых образует культурный текст.

2. Знаки представляют стратегию отношений с действительностью в разных ситуациях и чаще всего их вербальная актуализация проявляется в номинации информативного характера или в формах императива. Вербальная жизнь символа являет собой описание идеи, причем с оперированием образными, метафорическими средствами. Без знания знаков, таким образом, прожить сложно: это либо опасно, как при незнании дорожных знаков, либо лишает нас чего-то насущно необходимого.

3. И знак, и символ могут служить для привлечения внимания. Однако узнавание символа подчас затруднено и зависит от его «предзнания». В том случае, если интерпретатор не может расшифровать символ, он останется для него просто знаком, указывающим на некий неизвестный референт. Доступ к культурному тексту в этом случае будет закрыт.

4. Знак и символ в языковом плане представляют разные типы отношений с определяемым референтом. Например, существует принципиальная разница между выражениями «роза как знак любви», означающее отношение к конкретному лицу, и «роза как символ любви», имеющее отношение к абстрактной идее. Знак и символ в этом смысле могут быть описаны как частное и общее, причем при этом условии прочтение знака зависит от знания символа.

Мы принимаем следующие определения знака, символа и значения:

знак — единица любой семиотической системы, указывающая на референт;

символ — основанный по законам знака шифтер переключения на абстрактную идею, представляющую сеть референтов, закодированных в культурный текст;

значение — представление, возникшее в сознании благодаря знаку.

Таким образом, репрезентациями концепта в тексте могут служить знаки различного порядка и символы.

Список литературы:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — 2-е изд., стер. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 569 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энцикл, 1990. — 685 с.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. — СПб. : Искусство-СПБ, 2004. — 703 с.
4. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика : ант. / сост., общ. ред. Ю. С. Степанова. — М.; Екатеринбург, 2001. — С. 45-97.
5. Пирс Ч. С. Предложения // Семиотика : ант. / сост., общ. ред. Ю. С. Степанова. — М.; Екатеринбург, 2001. — С. 165-226.
6. Философский словарь / основан Г. Шмидтом. — 22-е изд. / перераб. изд. под ред. Г. Шишкоффа. — М.: Республика, 2003. — 575 с.
7. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. — 2-е изд. — М.: Изд-во полит. лит., 1968. — 432 с.